

ЧЕМ ТАЛАНТИВНЕЕ книга, тем большего труда она требует для своего прочтения. Так это или нет — можно спорить. Но все-таки, чтобы осилить Сервантеса или Толстого, осмыслить книги гениев, нужно иметь отзвучившее сердце, острый ум и чувствительную душу. Иначе не стоит браться за этот радостный труд, а лучше ограничить себя чтением общедоступной развлекательной беллетристики... Что тоже, конечно, полезно, потому что, как известно, нет такой плохой книги, в которой нельзя отыскать что-то хорошее.

Называя имена великих, я вовсе не хочу сказать, что в наши дни работают мастера, подобные Толстому и Сервантесу, и мы не в силах заметить и оценить их по достоинству. Но все-таки и в современной литературе есть серьезные произведения, которые требуют напряженной работы ума и сердца.

Вольно используя название нового романа Юрия Бондарева «Игра», я скажу, что не сразу, не безоговорочно принял «правила игры», которые предложил мне писатель. Кто из нас — я или роман — сопротивлялся, судить не берусь, но так или иначе я должен был напрячь все свое внимание, чтобы вчитаться, вжиться, враскти в непривычную для меня новую прозаическую ткань, по-

плотью, окреп духом, закалил его, а вот обыденного, житейского опыта так и не приобрел — он, этот опыт, ускользнул от него! Мальчик, познавший себя в тяжелых испытаниях и вышедший из них мудрым человеком, остался мальчишкой в быту. Он, не знающий лести, не в силах сам отличить льстеца от истинного друга. Нужна смерть, эта крайняя мера, чтобы снова вернуть к нему зрение. И тогда, познав низость человека, спасенных им когда-то людей, недавно встретивших его с распростертыми объятиями, он снова становится бойцом, вспоминая нейтральную полосу, с территории которой ушел не в тыл, а туда, где гибли его товарищи...

Смерть Ирины Скворцовой имеет принципиальное, как я уже говорил, значение в романе. Но, мне кажется, Юрий Бондарев не использовал здесь до конца одной очень важной возможности. Драматизм ситуации значительно усилился, если бы я, читатель, ЗНАЛ, как и почему произошла трагедия, в то время как сам Крымов — НЕ ЗНАЛ. Тогда бы Крымов, страдая и мучаясь угрызениями совести, пробудил бы во мне еще более острое желание защитить его от клеветников. Мотив гибели Ирины Скворцовой, неясный для Крымова, должен быть ясным для меня, читателя. Умозрительно я, конечно, по-

Георгий
СЕМЕНОВ

Чит
журн

рого не раз, кстати, возникает в романе. Но возникает, я бы сказал, с распространенным в наше время насмешливо-отрицательным значением. Если же вспомнить роман Сервантеса, то не грех будет найти в нем высказывание остроумного и простодушного Санчо Пансы, устами которого глаголет народная мудрость. Он не безумный, сказал о своем господине благородный оруженосец, но дерзновенный.

Сам Сервантес, по-моему, вполне согласен с этими словами Санчо Пансы.

В этом смысле Вячеслав Крымов — человек не безумный, но дерзновенный. Он идет сражаться не с ветряными мельницами, а дерзко врывается в затхлый делаческий мирок, взламывая и вскрывая бесчеловечность завистливых своих «соратников», которые блестят улыбочками и панибратством, собирая крошки

СИЛА И БЕССИЛИЕ

ТАЛАНТА

Размышления о романе

Юрия Бондарева

«Игра»

(«Новый мир», №№ 1, 2, 1985)

ка не настал тот неуловимый и прекрасный момент, когда я вдруг поймал себя на мысли, что уже не могу оторваться от захватившего меня чтения.

Роман «Игра» не принадлежит к тем счастливым литературным произведениям, о которых можно с чистым сердцем сказать: понравилось. Он несет в себе столько жизненных сил, насыщен такими острыми, почти неразрешимыми проблемами бытия, так много в нем вопросов, заданных именно мне, читателю, жителю планеты Земля, над которой нависла смертельная угроза, так нежен и простосердечен порой и так суров, жесток и ироничен, что я, читая роман, испытывал беспокойство, тревогу, боль, гнев, но никак не удовольствие или наслаждение, на что я как читатель вроде бы имел право надеяться. Язык не поворачивается сказать: понравился... Думаю, что и сам Юрий Бондарев рассчитывает на другое, более глубокое читательское восприятие.

Роман этот, проповеднический в своей основе, я читал с ощущением непонятной, но острой вины, как будто именно я лежу на нейтральной полосе, в воронке от бомбы, а где-то там, возле траншеи противника, гибнут мои ребята, напоровшиеся во тьме на врага, и что именно я должен сию же минуту идти к ним на помощь...

Роман этот возбудил во мне жгучую потребность немедленно действовать, выйти с нейтральной полосы, которая, конечно, несет в романе аллегорическое, иносказательное значение. Двое в воронке от бомбы — большой Крымов и перепуганный до смерти Молочков — слышат стрельбу и предсмертный крик одного из пяти разведчиков, напорывшихся на немцев. Жестокая, безгласная жалость, проявленная Крымовым к Молочкову, — кульминационная точка не только этой трагической сцены, но, пожалуй, и всего романа. Один выходит с нейтральной полосы невольным самострелом, чтобы всеми неправдами попасть в госпиталь, отлежаться, спасти свою шкуру, в то время как другой, преодолевая боль, идет туда, где выстрелы и крики, чтобы попытаться спасти, вынести раненого товарища.

В общем-то, если задуматься и перенести эту сцену, эту ситуацию на мирную нынешнюю нашу жизнь, то все мы, по здравому рассуждению, как будто бы имеем право на благополучие, на всевозможные удовольствия и радости. Здравый смысл подсказывает, шепчет нам спасительные речи о том, что один в поле не воин, что человек в современном мире слишком слаб и беспомощен перед истребительной, всепожигающей силой адского атома, расщепленного изощренным умом человечества, что, дескать, повторять известные истины о безумии уничтожения человека человеком — это все равно что твердить о смертельной опасности раковой опухоли, о чем уже знает человечество, продолжаящее отравлять себя выхлопными газами, наркотиками, никотином и алкоголем... Если мы не в силах справиться с такими малыми своими пороками, то о чем говорить, зачем тратить нервы и здоровье на бесплодную борьбу с глобальной угрозой, не лучше ли жить, как живется, справляя маленькие свои радости, и, закрыв глаза, идти в кромешную тьму?

Вопросы, вопросы, вопросы!

У меня, читателя, тоже, например, возникает вдруг естественный и, может быть, даже наивный, очень простой по-

цом и считать свою жизнь вполне благопристойной? Уму непостижимо!

В романе «Игра» вопросы не ставятся именно так, как поставил их я, но к этим вопросам жизни и смерти я пришел, подвигнутый Бондаревым, его прозой, и сам был поражен неоспоримыми ответами — о высшей нравственности одного общества и безнравственности другого, которое, если ничего в нем не изменится, слишком опасно для будущего человечества.

Главный герой романа Крымов, споря с Гричмаром, говорит о том, что его, Крымова, стране предназначена спасительная миссия. Разве это не смысл жизни — спасти, убедить планету и человечество от гибели? А раз так, то можно ли отсидеться на нейтральной полосе, можно ли уйти в сторону от борьбы?

Русская проза всегда и во всем отличалась добронравием. Проповедь, вызывающая волнения духа, а не страстей, в разное время и по разному поводу воодушевляла людей, вдохновляла их на добрые поступки и дела. В этом смысле роман «Игра» по сути своей очень русский роман.

Говоря о проповеди, я вовсе не имею в виду нечто такое, что можно было бы сравнить с обращением актера к партеру, нет. Герои романа ни намеком, ни действием не наворают на такую мысль. Скорее, наоборот. Они живут своей жизнью, не замечая, так сказать, партера, бельэтажа и райка. Они сами в себе, какие есть, плохие и хорошие, страдающие и гибнущие, ведут себя так, что и партер, и бельэтаж, и раек, взволнованные мыслями и делами этих людей, сами обращаются к ним с возникающими у них вопросами. В этом особенность странной и трудно постижимой новой прозы Юрия Бондарева. Роман его — своеобразный театр марионеток, где злодей — это злодей во всех своих проявлениях. Даже внешностью он похож именно на злодея, каким мы привыкли представлять его себе. Это может кое-кому показаться нарочитой неумелостью, просчетами вкуса. Но Дени Дидро когда-то сказал художнику в добрую минуту своей жизни: «Как бы ни велик был ваш успех — приготовьтесь услышать критику. Если вы хоть немного чувствительны, вас менее оскорбят нападки врагов, нежели заступничество друзей»... Отлично сказано!

Юрий Бондарев, нарушив правила, не замаскировал негодяев и вышел со своим Крымовым на откровенную драку с ними.

Крымов, мальчишкой ушедший на фронт, приобрел в силу обстоятельств громадный духовный опыт, каждый день и каждый час находясь между жизнью и смертью, много раз побеждавший в себе труса, торжествуя над боязливыми

нимаю, что Крымов не виноват в ее смерти, но этого мало, чтобы произошел катарсис.

Он не знает, но я знаю. Я слежу за ним, мучаюсь вместе с ним, я свидетель и могу доказать его невиновность, а он, честнейший, совестливый человек, подвергается на моих глазах очернению, я же, свидетель, ничем не могу помочь. Душа моя изнывает, когда я вижу, какая несправедливость творится на моих глазах.

Но вот досада — писатель не сделал меня свидетелем. Я знаю о гибели Ирины Скворцовой не больше, чем Крымов.

Крымов написан с завидной психологической верностью. Слава Крымов, влюбившийся в Новогоднюю ночь в будущую свою жену, Олю, бестолковый, опяневший от любви фронтовик, творящий бог знает что, смешной и прекрасный в своем пронзительном чувстве, написан Бондаревым так, как, пожалуй, никто еще в советской литературе не написал влюбленного. И тот же Крымов, расставляющий все точки над i, осторожный, старющийся быть очень умным, современным, мудрым человеком, когда он оказывается свергнутым в нежданное и самому ему непонятное чувство то ли любви, то ли художнического преклонения перед образом будущей героини своего фильма — перед Ириной Скворцовой. Крымов, потерявший, так и не успев понять, что с ним происходит, эту юную женщину, которую он пригласил на роль главной героини, Крымов, спасающий истинную свою любовь от разрушительной клеветы, написан и тут именно таким, каким должен быть в эти минуты, — неуверенным в себе, страдающим, виноватым, ищущим во всепрощении силу, которая могла бы поддержать и спасти его в покающую минуту. Этот вполне земной, очень обеспеченный, благополучный, всегда удачливый Крымов, боящийся потерять веру жены, любимой дочери и сына, до слуха которых доходит клевета, опять превращается в того двадцатилетнего фронтовика, искренность и честность которого не знают границы.

Бондарев мог бы, конечно, написать Крымова в этих сложных семейных обстоятельствах эдаким средневропейским суперменом. Но это было бы ложью — Крымов именно такой: слабый и беспомощный там, где слово его может оказаться бессильным и где под тяжестью обстоятельств, только ерничеством и иронией можно загородиться от пошлости, перед которой он, как и слово его, бессилён. «...Интеллигентское бессилие перед обстоятельствами — вот что такое моя ирония», «...как спасение — моя наиграная ирония, моя игра с жизнью» — мысли эти не случайны.

Высокий дух, которым силен

славы со стола талантливого и щедрого своего коллеги и которые готовы при случае ужалить его. Но что он, дерзновенный, может сделать с лицемерами и льстецами, не прощающими ему его таланта? Он, убивавший когда-то врагов, имевший на это право солдата и защитника святого Отечества, одинок и бессилён перед этим окаменевшим равнодушием.

В этом трагедия Крымова, стиснутого обстоятельствами, выступающими против него. И он, совестливый человек, ищет за собой вину, чтобы этой непонятной, но великой, всеобъемлющей виной, добровольно признанной, кинуть вызов бессердечным людям, загнавшим его в угол. Игра? Да нет, какая уж тут игра! Сила и бессилие таланта.

Русскому писателю нелегко найти свой путь и свое место в литературе... Стоит ему заявить о себе, как тут же нисходят истинные знатоки литературы и с глубокой мыслью на челе заявляют, что имярек работает в традициях Чехова или Бунина, Толстого или Достоевского, Тургенева или Гоголя... И плетется современный наш писатель в хвосте бесконечной вереницы великих, привыкая к своему порядковому номеру... То ли было бы, если бы величайшая русская культура не накопила своих богатств?! Сколько гениев ходило бы сейчас по земле! Но мы избалованы судьбой! Мы так богаты талантами, что нам ничего не стоит отмахнуться, поморщиться, скорчить кислую мину, прочтя великолепный рассказ или роман своего соотечественника, и легко отдать предпочтение сомнительной экзотике.

Все истинное рождается только на родной почве, только она способна воспитать и лихого воина, и всепрощающего гения, принявшего вину людей, как свою собственную. Именно она родила неистового протопопя, речи которого колокольным звоном доносятся из глубины веков до чистых сердец моих соотечественников. Именно это и означает образ Аввакума в романе. Аввакум Бондарева — это не фанатик, охваченный религиозным экстазом. Нет. Это человек исплинской силы духа, пламенный борец за истину.

Нестройные, разрозненные мои заметки — это малая часть того, что я пережил и передумал, читая новое сочинение Юрия Бондарева, которое вряд ли оставит кого-либо равнодушным...